

УДК 347.6

Осокин Александр Владиславович
(osokin2001@yandex.ru)

Студент 2 курса бакалавриата
Юридического факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

Osokin Alexander

2nd year student of bachelor program
Faculty of Law
Moscow State University named after
M.V. Lomonosov

Научный руководитель:

Романов Станислав Владимирович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
Юридического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

Academic supervisor:

Stanislav Romanov

PhD in Law, associate professor of the
Department for Criminal Procedure, Justice and
Prosecutorial Oversight of the Law Faculty

ОСНОВАНИЯ НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ЖАЛОБЫ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

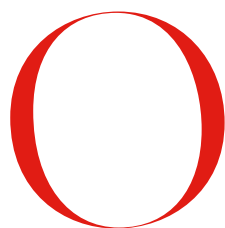
GROUND OF INADMISSIBILITY OF AN APPLICATION AGAINST THE RUSSIAN FEDERATION TO THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

АННОТАЦИЯ: При подаче жалобы против РФ в ЕСПЧ заявителя ожидает множество «подводных камней», которые необходимо учитывать на этапе подготовки процессуальных документов. С этой целью автор статьи рассматривает основания, опираясь на которые ЕСПЧ отказывает заявителю в рассмотрении его жалобы на нарушение прав и основных свобод, гарантированных Конвенцией. В рамках рассмотрения оснований неприемлемости обращено особое внимание на их аспекты, решения ЕСПЧ, в которых они фигурировали, а также на новеллы Конвенции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Европейский Суд по правам человека, основания неприемлемости жалобы, юрисдикционные основания неприемлемости, процессуальные основания неприемлемости, материальные основания неприемлемости, сокращение срока на подачу жалобы.*

ANNOTATION: While applying against the Russian Federation to the ECHR, a petitioner should remember about inadmissibility grounds of an application and other procedural documents during their preparation. Due to this fact an author analyses inadmissibility grounds that could be used by the ECHR to declare an application inadmissible and to reject its further examination. In frames of reviewing inadmissibility grounds its various aspects, ECHR decisions where they were first used and Convention's innovations are being discussed.

KEYWORDS: *European Court of Human Rights, inadmissibility grounds of an application, grounds for inadmissibility relating to the Court's jurisdiction, procedural grounds for inadmissibility, inadmissibility based on the merits, reduction of a term for applying to the Court.*

бращаясь к вопросу оснований неприемлемости жалобы при обращении в Европейский суд по правам человека, необходимо отметить, что, несмотря на косвенное закрепление в тексте

Конвенции, их существование вызвано появлением обширной судебной практики ЕСПЧ и ее осмыслением в форме различных неофициальных компиляций, созданных практикующими юристами для удобства взаимодействия с Европейским судом. В ч. 3 ст. 35 Конвенции указаны основания признания жалобы неприемлемой, значение которых установить крайне затруднительно вследствие того, что «несовместимость с положениями Конвенциями» выражается в самых разных формах, которые «должны устанавливаться самим Судом при рассмотрении конкретного дела по существу»¹.

Обширная практика Европейского суда к настоящему времени выделяет юрисдикционные, мате-

¹ См.: Point 39 of the Explanatory Report to Protocol № 14 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, amending the control system of the Convention. Strasbourg, 13.V.2004 // Council of Europe Treaty Series № 194 // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d380f> (Date of approach: 24.09.2020).

риальные и процессуальные основания неприемлемости, нарушения которых чаще всего происходят при обращении в ЕСПЧ.

I. Юрисдикционные основания неприемлемости. Особенностью юрисдикционных оснований неприемлемости является их правовая природа, заключающаяся в том, что Европейский Суд не обладает достаточными полномочиями для принятия и рассмотрения жалобы по различным обстоятельствам, вследствие чего большое количество обращений признаются неприемлемыми. Практика ЕСПЧ выработала 4 основных критерия неприемлемости: **ratione loci, ratione personae, ratione temporis и ratione materiae.**

Ratione loci. Данный критерий не будет считаться соблюденным в случае, если предполагаемое нарушение права, закрепленного Конвенцией, совершено на территории, которая не находится под юридической либо фактической юрисдикцией государства-участника Конвенции, то есть не только в пределах государственных границ, но и там, где государство фактически осуществляет свои властные полномочия (концепция эффективного контроля). Примером последнего положения в отношении России является межгосударственная жалоба Украины на предполагаемое нарушение прав граждан Украины на Юго-Востоке Украины и в АР Крым в 2014 году²; Грузии на предполагаемые нарушения прав граждан в связи с действиями России в Южной Осетии и Абхазии в 2008 году³. Конвенция, однако, в ст. 56, которая в доктрине получила название «колонимальной оговорки»⁴, предусматривает возможность добровольного распространения государством своей юрис-

дикции на территории, за внешние сношения которых оно несет ответственность. Очевидно, что данное положение было обусловлено конкретно-историческими обстоятельствами: в 1950-ых годах активный процесс деколонизации еще не был начат, следовательно, европейские колониальные империи являлись протекторами разных государственно-подобных образований, которые не осуществляли независимой внешней политики. Внешнюю политику протектората контролировала метропо-

лия, вследствие чего она, по смыслу Конвенции, и должна была нести ответственность за все последствия её проведения. В настоящее время данное положение является скорее архаизмом, чем действующей нормой международного права, в силу того, что колониализм в классическом его понимании прекратился.

В отношении Российской Федерации данная норма не может быть использована, так как коло-

ний и протекторатов после ратификации Конвенции она не имела.

Ratione personae. По смыслу Европейской Конвенции заявителем может быть человек, необязательно гражданин, что подчеркивает стремление создателей ЕКПЧ обеспечивать соблюдение прав человека по всему миру. С этих позиций практика ЕСПЧ выработала доктрину «функциональной юрисдикции» или «эффективного контроля», которая предусматривает «эффективную реализацию юрисдикции везде, где государство полномочно осуществлять свои функции по обеспечению соблюдения прав человека»⁵. По мнению судьи Бонелло, «государства обеспечивают соблюдение прав человека по пяти направлениям: во-первых, не нарушая

**ОБШИРНАЯ ПРАКТИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
К НАСТОЯЩЕМУ
ВРЕМЕНИ ВЫДЕЛЯЕТ
ЮРИСДИКЦИОННЫЕ,
МАТЕРИАЛЬНЫЕ
И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
ОСНОВАНИЯ
НЕПРИЕМЛЕМОСТИ,
НАРУШЕНИЯ КОТОРЫХ ЧАЩЕ
ВСЕГО ПРОИСХОДЯТ ПРИ
ОБРАЩЕНИИ В ЕСПЧ**

² Applications nos. 20958/14, 42410/15, 8019/16, 70856/16, Cases of Ukraine v. Russia, awaiting judicial decision.

³ Application no. 13255/07, Georgia v. Russia (I), Judgment of 03 July 2014; Application no. 38263/08, Case of Georgia v. Russia (II), Judgment of 13 December 2011.

⁴ См. D. Harris, M. O'Boyle. Law of the European Convention on Human Rights. Third edition. Oxford: Oxford University Press. P. 100.

⁵ Application no. 55721/07, Case of Al-Skeini and Others v. The United Kingdom, § 130-150, Judgment of 7 July 2011.

их; во-вторых, посредством создания на местах механизмов по предотвращению злоупотреблений правами человека; в-третьих, посредством расследования жалоб на нарушения прав человека; в-четвертых, порицанием тех представителей государства, которые посягают на права людей; и, наконец, посредством компенсации за нарушение прав человека»⁶.

Посредством данной доктрины заявителям из Ирака удалось получить компенсацию за нарушение конвенционных прав во время вторжения Коалиционных войск в Ирак в 2001 году (в частности Вооруженных Сил Соединенного Королевства). Исходя из практики ЕСПЧ, касающейся ответственности государства, можно сделать вывод об экстерриториальной юрисдикции государства, то есть ответственности вне зависимости от места нарушения права. Данное положение, трактующее понятие «юрисдикция» расширительно (то есть не только в пределах государственных границ, но и на территориях, фактически подконтрольных данному государству), теоретически позволяет каждому человеку быть заявителем в ЕСПЧ, если государство-участник Конвенции каким-либо образом нарушило конвенционное право.

Для полноценного рассмотрения критерия *ratione personae* необходимо также определить, что ЕСПЧ понимает под жертвой в рамках действующей судебной практики. Прежде всего, необходимо отметить, что с 1998 года за каждым человеком было закреплено право на обращение с жалобой без предварительного признания государством такого права за лицом.

Данное нововведение породило огромное разнообразие практики, так как в связи с увеличением субъектов, обращающихся за защитой своих прав, увеличилось и количество жалоб, направляемых в ЕСПЧ. Как к физическим, так и к юридическим лицам Конвенция и судебная практика ЕСПЧ не устанавливают никаких определенных требований, за исключением статуса жертвы предполагаемого нарушения права.

**ДАННОЕ НОВОВВЕДЕНИЕ
ПОРОДИЛО ОГРОМНОЕ
РАЗНООБРАЗИЕ ПРАКТИКИ, ТАК
КАК В СВЯЗИ С УВЕЛИЧЕНИЕМ
СУБЪЕКТОВ, ОБРАЩАЮЩИХСЯ
ЗА ЗАЩИТОЙ СВОИХ ПРАВ,
УВЕЛИЧИЛОСЬ И КОЛИЧЕСТВО
ЖАЛОБ, НАПРАВЛЯЕМЫХ
В ЕСПЧ. КАК К ФИЗИЧЕСКИМ,
ТАК И К ЮРИДИЧЕСКИМ
ЛИЦАМ КОНВЕНЦИЯ
И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ЕСПЧ
НЕ УСТАНАВЛИВАЮТ НИКАКИХ
ОПРЕДЕЛЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ,
ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ СТАТУСА
ЖЕРТВЫ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО
НАРУШЕНИЯ ПРАВА**

Следовательно, в ЕСПЧ могут обращаться все лица вне зависимости от возраста⁷ и, как было выяснено, статуса гражданства с государством-ответчиком. Более того, государство-участник Конвенции не вправе лишать уполномоченных лиц права на обращение в Суд или иным образом ограничивать его, даже если, согласно их личному закону, они не обладают дееспособностью⁸. Однако юридическое лицо может быть заявителем только в случае, если оно не осуществляет властные или иные публичные функции⁹ и не находится под контролем государства или его органов¹⁰.

Судебная практика с учетом статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) сформулировала определение жертвы, под которой понимается частное лицо, прямо, косвенно или потенциально затрагиваемое предполагаемым нарушением конвенционного права. Прямой жертвой является заявитель, чье право было предположительно нарушено государством-участником

⁶ Point 10 of concurring opinion of Judge Bonello; Application no. 55721/07, Case of Al-Skeini and Others v. The United Kingdom, Judgment of 7 July 2011.

⁷ См. European Court of Human Rights. Legal Nature of the obligation under article 25 § 1 in fine of the Convention: Information document prepared by the Registry. Strasbourg, 9 of June 1961. P. 17.

⁸ Ibid. P. 16.

⁹ Application no. 44319/98, Case of O.V.R. v. Russia, Decision of 3 April 2001.

¹⁰ Application no. 54522/00, Case of Kotov v. Russia, § 93, Judgment of 3 April 2012.

**ВАЖНЫМ МОМЕНТОМ ДЛЯ
УЧАСТИЯ В ДЕЛЕ КОСВЕННОЙ
ЖЕРТВЫ ЯВЛЯЕТСЯ СМЕРТЬ
ИЛИ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРЯМОЙ
ЖЕРТВЫ, В СЛУЧАЕ КОТОРЫХ
КАК ДО ПОДАЧИ ЖАЛОБЫ
В ЕСПЧ, ТАК И В ТЕЧЕНИЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВА КОСВЕННАЯ
ЖЕРТВА СМОЖЕТ СТАТЬ
УЧАСТНИКОМ ПРОИЗВОДСТВА.
ТАКОЕ «ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВОПРЕЕМСТВО»
В ОГРАНИЧЕННОМ СМЫСЛЕ
ВОЗМОЖНО ПРИ УСЛОВИИ
ИЗЪЯВЛЕНИЯ КОСВЕННОЙ
ЖЕРТВОЙ ЖЕЛАНИЯ НА УЧАСТИЕ
И НАЛИЧИЯ ЗАКОННОГО
ИНТЕРЕСА В ТАКОМ ДЕЛЕ**

Конвенции. Жалоб от заявителей, считающих себя прямыми жертвами, в Европейском суде большинство.

Особое место занимает статус косвенной жертвы, под которой подразумеваются родственники или свойственники лица¹¹, чьи права были нарушены. Косвенная жертва обретает процессуальный статус заявителя в ЕСПЧ в случае смерти или пропажи прямой жертвы. Практика ЕСПЧ, однако, предъявляет определенные требования к косвенным жертвам, среди которых наличествует моральная и материальная заинтересованность в исходе дела, защита чести и репутации в суде, общая заинтересованность косвенной жертвы в деле. На основании этих оценок Суд допускает косвенную жертву к участию в процессе.

Важным моментом для участия в деле косвенной жертвы является смерть или исчезновение прямой жертвы, в случае которых как до подачи жалобы в ЕСПЧ, так и в течение судопроизводства косвенная жертва сможет стать участником производства.

Такое «процессуальное правопреемство» в ограниченном смысле возможно при условии изъясления косвенной жертвой желания на участие и наличия законного интереса в таком деле.

Множество примеров косвенных жертв отражено в практике ЕСПЧ. После окончания Второй чеченской войны и боевых действий на Северном Кавказе многие заявители обращаются в ЕСПЧ с жалобами на смерть или исчезновение (похищение) участников боевых действий, а также мирного населения. По мнению заявителей, нарушения прав прямых жертв были вызваны незаконными действиями сотрудников федеральных силовых ведомств, которые выступали от имени РФ. Вследствие этого ЕСПЧ признавал РФ ответственной за многочисленные нарушения конвенционных прав¹².

Отдельного рассмотрения заслуживает категория потенциальной жертвы, под которой Суд понимает лицо, чьи права могут быть нарушены в случае применения к нему существующего законодательства государства-участника Конвенции при условии убедительного или обоснованного доказательства лицом возможности применения таких внутригосударственных механизмов лично к нему. Под потенциальной возможностью нарушения права подразумевается чаще всего риск скрытого прослушивания телефонных или иных переговоров гражданина, нарушающий его право на уважение частной и семейной жизни, закрепленное ст. 8 Конвенции. Показательным в этом плане является постановление по делу **«Roman Zakharov v. Russia»**, в котором заявитель жаловался на несанкционированное и незаконное прослушивание его телефонных переговоров, никак фактически не доказав факт противоправного деяния. Европейский суд, однако, поддержал заявителя в связи с тем, что «факт существования секретных систем слежения за человеком сам по себе свидетельствует о потенциальной возможности нарушения его права, что несовместимо с положениями Конвенции. Недоказанность нарушения права в данном случае не

¹¹ См. Воскобитова М. Р. Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: Сборник аналитических статей. М.: Издательство «Анахарис», 2005. С. 32.

¹² См. т.н. «чеченские» дела в ЕСПЧ: Applications nos. 42575/07 etc, Case of Sultygov and Others v. Russia, Judgment of 9 October 2014; Applications nos. 50556/08 etc, Case of Kukurkhoyeva and Others v. Russia, Judgment of 22 January 2019; Applications nos. 4635/08, 14202/08, 21432/12, Case of Shamsudinova and Others v. Russia, Judgment of 5 February 2019.

влечет признания жалобы неприемлемой, так как предсказуемость в контексте систем слежения не предполагает возможности лица предвидеть прослушивание переговоров. Более того, средства правовой защиты (далее – СПЗ) в сфере соблюдения права на тайну переговоров являются эффективными в случае обладания заявителем информации о прослушивании его переговоров, однако в случае отсутствия такой информации, как это имело место в деле заявителя, лицо не сможет эффективно защищать свои права внутри государства»¹³. Следовательно, ЕСПЧ признал нарушение права на уважение частной жизни заявителя, указав РФ в качестве государства, которое «использует средства, заведомо противные устоям и принципам демократического общества»¹⁴.

Однако статус потенциальной жертвы схож до степени смешения с жалобами, которые Суд оценивает как **actio popularis**, направленные на защиту прав неопределенного круга лиц (абстрактные жалобы). ЕСПЧ отмечает, что «статья 34 ЕКПЧ не признает за заявителем права на обращение в Суд только лишь потому, что, по их мнению, закон абстрактно [т.е. без применения к конкретной ситуации – А.О.] не соответствует положениям Конвенции. Для признания жалобы приемлемой необходимо, чтобы закон причинил заявителю вред, а не абстрактно мог его причинить. Таким образом, статус потенциальной жертвы и **actio popularis** схожи до такой степени, что часто сам Суд не может провести между ними существенных различий. Однако ЕСПЧ отдельно выделяет дела о незаконном прослушивании переговоров граждан¹⁵. Данная позиция весьма обоснована, так как особая правовая природа таких дел обусловлена ограниченным потенциалом заявителя противодействовать нарушению своих прав на внутригосударственном уровне. В этой связи судья в ЕСПЧ от России Д. Дедов предлагает «в случае получения Судом большого количества повторяющихся жалоб, касающихся нарушения права на уважение частной жизни, устранить данную дисфункцию рос-

СТАТУС ЗАЯВИТЕЛЯ В ЕСПЧ ОТЛИЧАЕТСЯ РЯДОМ ОСОБЕННОСТЕЙ, КОТОРЫЕ ОБУСЛОВЛЕННЫ ОСОБЫМ ХАРАКТЕРОМ КОНВЕНЦИОННОГО МЕХАНИЗМА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИМ СОБЛЮЖДЕНИЕ ПРАВ И ОСНОВНЫХ СВОБОД ЧЕЛОВЕКА.

НЕОБХОДИМОСТЬ НАЛИЧИЯ СТАТУСА ЖЕРТВЫ ЯВЛЯЕТСЯ ВАЖНЕЙШИМ УСЛОВИЕМ ОБРАЩЕНИЯ ЛИЦА В ЕСПЧ, ТАК КАК ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ВЫТЕКАЮТ ИЗ СТАТУСА ЖЕРТВЫ ЗАЯВИТЕЛЯ

сийской правовой системы посредством принятия пилотного постановления»¹⁶.

Следовательно, статус заявителя в ЕСПЧ отличается рядом особенностей, которые обусловлены особым характером конвенционного механизма, обеспечивающим соблюдение прав и основных свобод человека. Необходимость наличия статуса жертвы является важнейшим условием обращения лица в ЕСПЧ, так как все остальные условия вытекают из статуса жертвы заявителя.

Более того, критерий **ratione personae** не будет считаться соблюденным, если ответчиком по жалобе будет являться частное лицо или негосударственное образование. Существует также и прямое ограничение на обращение в ЕСПЧ, то есть субъекты, которые могут быть истцами в Европейском суде – это частные лица, не связанные с государством.

В случае обращения государственного органа или учреждения в ЕСПЧ (за исключением межгосударственных жалоб) его жалоба будет признана неприемлемой в связи с тем, что субъект не уполномочен на обращение в ЕСПЧ, что имело место в деле «**O. V. R. v. Russia**», когда Европейский суд не признал нотариальную

¹³ Application no. 47143/06, Case of Roman Zakharov v. Russia, § 298-300, Judgment of 4 December 2015.

¹⁴ Application no. 47143/06, Case of Roman Zakharov v. Russia, § 302-304, Judgment of 4 December 2015.

¹⁵ См. Concurring opinion of Judge Dedov; Application no. 47143/06, Case of Roman Zakharov v. Russia, Judgment of 4 December 2015.

¹⁶ Ibid.

палату ассоциацией, которая, в соответствии со ст. 34 Конвенции, имеет право на обращение в ЕСПЧ за защитой своих прав¹⁷. ЕСПЧ, в свою очередь, указывает на то, что «целью этих органов, в соответствии с законодательством, является регулирование и поощрение развития профессии, а также реализация важных публично-правовых функций по защите общества. Поэтому они не могут быть уподоблены профсоюзам, однако остаются интегрированными в государственные структуры»¹⁸.

Ratione temporis. Критерий времени непосредственно не определен Конвенцией, что порождает определенное непонимание данного основания в силу природы ЕКПЧ как международного договора, который не обладает обратной силой (что отражено в ст. 28 Венской конвенции о праве международных договоров)¹⁹ и презюмировался при заключении и ратификации Конвенции в 1950 г. Следова-

но, государство-участник Конвенции несет ответственность только за те действия и бездействия, которые совершило после ратификации Конвенции. Именно поэтому Европейский суд отказал в рассмотрении жалобы заявителем, которые жаловались на нарушения своих прав из-за сталинских репрессий и последствий преступлений против человечности во время Второй Мировой войны²⁰. Таким образом, критерий **ratione temporis** действует с момента ратификации Конвенции в отношении конкретного государства-участника.

Определенный интерес представляет правовая конструкция длящегося нарушения права, которое произошло до ратификации Конвенции и продолжается после ее ратификации. Классическим примером длящегося нарушения является похищение человека, как это было в ходе Чеченских войн конца 1990-ых – начала 2000-ых на Северном Кавказе. Европейский

¹⁷ Application no. 44319/98, Case of O.V.R. v. Russia, Decision of 3 April 2001.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ «Если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то положения договора не обязательны для участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника, или в отношении любой ситуации, которая перестала

существовать до этой даты» // Действующее международное право. Документы в 2-х томах. Т. 1 / Сост.: Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. - М.: Юрайт, Международные отношения, 2007. С. 200.

²⁰ Applications nos. 55508/07, 29520/09, Case of Janowiec and Others v. Russia, Judgment of 21 October 2013.

Суд считает, что при похищении родственники похищенного находятся в постоянном поиске, в состоянии неопределенности, невозможности дать объяснения по поводу того, что произошло, вследствие чего пока судьба пропавшего не будет выяснена, обязанность по проведению расследования лежит на государстве.

Следовательно, конструкция длящегося нарушения права является исключением из правила **ratione temporis**, которым пользуются в основном родственники пропавших или погибших людей, чья судьба неизвестна вследствие отсутствия должного расследования.

Ratione materiae. Критерий материальной приемлемости заключается в том, что право, предполагаемое нарушение которого имело место, должно быть закреплено положениями Конвенции, которые определяются в судебной практике Европейского суда. Необходимо отметить, что все критерии **ratione materiae** обладают автономным значением, которое не имеет основания в национальном праве, а определяется Европейским Судом, исходящим при определении содержания из духа Конвенции и природы защищаемого права. Наиболее распространенными понятиями в Европейской Конвенции, получившими широкое толкование в шестидесятилетней практике Суда, являются: «гражданские права и обязанности» в контексте права на справедливое судебное разбирательство (ч. 1 ст. 6); понятие «уголовного обвинения» в контексте права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6); понятие «частная и семейная жизнь» в контексте ст. 8 Конвенции; понятие «имущество» с точки зрения ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. Следовательно, ЕСПЧ удалось выработать большое количество автономных понятий, которые представляют опре-

деленный интерес как с научной, так и с практической точки зрения, так как права человека могут быть защищены только в случае, если понятие применимо к предполагаемому нарушению права. Таким образом, учет материальной стороны необходим, чтобы несоответствие предполагаемого нарушения права положениям Конвенции не стало основанием признания жалобы неприемлемой.

II. Материальные основания неприемлемости. Материальный характер данных оснований состоит в том, что при рассмотрении жало-

бы Суд приходит к ее явной необоснованности в связи с сутяжническим поведением заявителя, пытающегося отстоять нарушенные, по его убеждению, права без учета того, что нарушение должно быть серьезным и значительным. В этой связи необходимо рассмотреть наиболее показательные примеры материальных оснований неприемлемости жалобы, среди которых ЕСПЧ выделяет явную необоснованность и отсутствие значительного ущерба у заявителя.

Явная необоснованность. Несмотря на формальное соблюдение всех требований по заполнению формуляра жалобы и соответствия обстоятельств дела Конвенции, Европейский Суд может признать жалобу неприемлемой после рассмотрения обстоятельств конкретного дела. Такие жалобы в конвенционной системе рассматриваются как явно необоснованные. ЕСПЧ в своих постановлениях отмечает, что основным критерием, на основании которого разрешается вопрос об обоснованности жалобы, помимо условий (критериев) приемлемости, является соответствие принципу субсидиарности, на основе которого функционирует конвенционная система. В постановлении по делу **«Scordino v. Italy»** (I)²¹ ЕСПЧ в очередной раз установил,

**КОНСТРУКЦИЯ ДЛЯЩЕГОСЯ
НАРУШЕНИЯ ПРАВА
ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧЕНИЕМ
ИЗ ПРАВИЛА RATIONE
TEMPORIS, КОТОРЫМ
ПОЛЬЗУЮТСЯ В ОСНОВНОМ
РОДСТВЕННИКИ
ПРОПАВШИХ ИЛИ
ПОГИБШИХ ЛЮДЕЙ,
ЧЬЯ СУДЬБА НЕИЗВЕСТНА
ВСЛЕДСТВИЕ
ОТСУТСТВИЯ ДОЛЖНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ**

²¹ Application no. 43662/98, Case of Scordino and Others v. Italy (I), § 140, Judgment of 27 March 2003.

что «осуществление и защита конвенционных прав и свобод возлагается на национальные власти, когда механизм подачи жалобы в Суд носит вспомогательный характер». Из этого тезиса ЕСПЧ вытекает один из аспектов явной необоснованности жалобы – так называемая доктрина «четвертой инстанции».

Под четвертой инстанцией в практике Европейского Суда понимается ситуация, при которой заявитель обращается с жалобой об очередном пересмотре дела, рассмотренного национальными судами по существу.

Природа Конвенции и самого Европейского Суда не предусматривает такого полномочия, как пересмотр дела по существу: деятельность Суда ограничивается исключительно проверкой факта соблюдения государствами-участниками Конвенции обязательств в сфере прав человека.

Европейский Суд не должен знать о допущенных фактических и юридических ошибках национальных судов при рассмотрении дела, за исключением тех, которые существенно нарушают конвенционные права²². Ограничиваясь только проверкой судебных постановлений на соответствие положениям Конвенции, ЕСПЧ не пересматривает дела относительно установления фактов дела, толкования и применения внутреннего права, повторной оценки доказательств в судебном разбирательстве, материальной справедливости исхода дела в гражданском судопроизводстве и т.п. Очевидно, что при рассмотрении дела в ЕСПЧ по существу на разбирательство уходили бы многие месяцы при том, что в ЕСПЧ обращаются тысячи заявителей. Следует упомянуть позицию Т. Г. Морщаковой, считающей, что «Европейский суд интересуется процедура принятия решений и подходы внутреннего суда в рассматриваемом деле, нежели их выводы об обстоятельствах дела или о том, как следует толковать национальное право»²³. Таким образом, доктрину «четвертой инстанции» как одну из аспектов явной необоснованности жалобы в связи с отсутствием у ЕСПЧ полномочий по пересмотру дела по существу

необходимо учитывать заявителю при обращении в ЕСПЧ.

Другими аспектами явной необоснованности жалобы являются явное и очевидное отсутствие признаков нарушения конвенционного права, отсутствие доказательств, подтверждающих жалобу, а также невразумительные и надуманные жалобы. Аспект, связанный с отсутствием признаков нарушения конвенционного права, напрямую связан с деятельностью Суда, который оценивает обстоятельства дела через призму принципов и ценностей Конвенции. Если дело было рассмотрено в соответствии с внутренним законодательством, а судопроизводство завершилось вынесением решения, мотивированного в достаточной степени, то нельзя говорить о наличии нарушения конвенционных прав, вследствие чего жалоба будет объявлена неприемлемой в связи с явной необоснованностью. Аспекты явной необоснованности, касающиеся отсутствия доказательств, невразумительности и надуманности жалобы, вполне разумны, так как эти требования следуют непосредственно из требования Регламента ЕСПЧ, устанавливающего, что формуляр жалобы должен сопровождаться копиями документов по делу, а также копиями документов и решений, подтверждающих соблюдение заявителем условий приемлемости при обращении в ЕСПЧ²⁴. В случае отсутствия доказательств по делу Суд расценивает такие обращения как невразумительные, при рассмотрении которых объективно отсутствует возможность понять обстоятельства дела и суть претензий, либо надуманные, то есть основывающиеся на фактах, существование которых невозможно и противоречит здравому смыслу. Следовательно, несмотря на закрепление такого основания как явная необоснованность жалобы в Конвенции, его материальная составляющая раскрывается, развивается и детализируется, а также значительно дополняется только в правовых позициях ЕСПЧ.

Отсутствие значительного ущерба. Другим материальным основанием неприемлемости является отсутствие значительного ущерба от

²² Application no. 30544/96, Case of Garcia Ruiz v. Spain, § 28, Judgment of 21 January 1999.

²³ Морщакова Т. Г. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики). Москва: Мысль, 2012. С. 231.

²⁴ Rule 47 of the Rules of Court (in ed. from 1.01.2020) // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_ENG.pdf (Date of approach: 24.09.2020).

**В ТАКИХ УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЕ
ДАННОГО ОСНОВАНИЯ
НЕПРИЕМЛЕМОСТИ
ОБУСЛОВЛЕНО, ВО-ПЕРВЫХ,
ХАРАКТЕРОМ НАРУШЕНИЯ
КОНВЕНЦИОННЫХ ПРАВ,
КОТОРОЕ ДОЛЖНО БЫТЬ
СЕРЬЕЗНЫМ, А ВО-ВТОРЫХ,
ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛЕЗНОСТЬЮ
РАССМОТРЕНИЯ ТАКОГО РОДА
ЖАЛОБ. НОВОВВЕДЕНИЕ
КОРРЕЛИРУЕТ С ПРАВОВЫМ
ПРИНЦИПОМ DE MINIMIS NON
CURAT PRAETOR (СУДЬЯ НЕ
ЗАНИМАЕТСЯ МЕЛОЧАМИ)**

нарушения конвенционного права. Необходимо оговорить, что данное основание неприемлемости было сформулировано исключительно за счет судебной практики ЕСПЧ и в первоначальной редакции Конвенции отсутствовало. Учитывая повторяемость данного обстоятельства в большом количестве дел, Конвенция была дополнена новым основанием неприемлемости²⁵. Для вынесения решения о нарушении конвенционного права Суд должен оценить, понес ли заявитель значительный ущерб от нарушения в связи с действиями государственных органов. В случае отсутствия значительного ущерба жалоба будет отклонена.

В таких условиях введение данного основания неприемлемости обусловлено, во-первых, характером нарушения конвенционных прав, которое должно быть серьезным, а во-вторых, практической полезностью рассмотрения такого рода жалоб. Нововведение коррелирует с правовым принципом **de minimis non curat praetor** (судья не занимается мелочами).

Несомненно, что для понимания доктрины «значительного ущерба» необходимо обратиться к судебной практике ЕСПЧ, связанной с

определением суммы значительного ущерба. Исходя из постановлений ЕСПЧ, значительным ущербом считается сумма, превышающая 500 евро реального ущерба. Важным моментом является то, что в понятие ущерба не включается сумма компенсации морального вреда, которая «не обладает реальным значением для вычисления ценности вопроса, так как основана на субъективных факторах (расчет заявителя, исходя из собственных представлений о значимости судебного спора)»²⁷.

Очевидно, что введение данного основания обусловлено поступлением большого количества мелких жалоб в адрес ЕСПЧ, и введение доктрины «значительного ущерба» будет способствовать повышению эффективности контрольного механизма Конвенции. В производстве ЕСПЧ находятся более серьезные жалобы, разрешение которых необходимо осуществить немедленно.

III. Процессуальные основания неприемлемости. Рассмотрение процессуальных оснований неприемлемости жалобы в ЕСПЧ ограничивается лишь рассмотрением злоупотребления правом на подачу жалобы, которое рассматривается непосредственно в процессе судебного разбирательства и применяется в исключительных случаях.

Злоупотребление правом на подачу жалобы. Европейский Суд рассматривает данное злоупотребление в традиционном общеправовом, а не автономном смысле. Конвенция закрепляет, что Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу при злоупотреблении правом подачи индивидуальной жалобы. Злоупотребление, по смыслу Конвенции и судебной практике к ней, есть «любое поведение заявителя, не соответствующее назначению гарантированного Конвенцией права на обращение, нарушающего функционирование Суда или затрудняющего надлежащее протекание разбирательства в нем»²⁸. Европейский Суд выделяет наиболее яркие аспекты злоупотребления пра-

²⁵ Protocol № 14 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, amending the control system of the Convention. Strasbourg, 13.V.2004 // Council of Europe Treaty Series - № 194 // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/194> (Date of approach: 24.09.2020).

²⁶ См.: Application no. 52036/09, Case of Kiousi v. Greece, Decision of 20.09.2011; Application no. 49275/08, Case of Bazelyuk v. Ukraine, Decision of 27 March 2012; Application no. 53807/09, Case of Hudecova and Others v. Slovakia, Decision of 18 December 2012.

²⁷ Application no. 52036/09, Case of Kiousi v. Greece, Decision of 20.09.2011.

²⁸ Application no. 73225/01, Case of Fedotova v. Russia, § 51, Judgment of 13 September 2006.

вом на обращение, среди которых присутствует дезинформация Суда, использование оскорбительной лексики, подача жалобы с сутяжническими намерениями²⁹. Во всяком случае, ЕСПЧ полагает, что список злоупотреблений остается открытым, чем и обусловлено отнесение злоупотребления правом на обращение в ЕСПЧ к основаниям неприемлемости, чье значение до конца не определено и может варьироваться от ситуации к ситуации.

Сокращение срока на подачу жалобы в ЕСПЧ. Помимо действующих правовых позиций ЕСПЧ, касающихся оснований неприемлемости жалобы, необходимо рассмотреть условие приемлемости, которое в совокупности с исчерпанием СПЗ в большинстве случаев определяет возможность рассмотрения жалобы в ЕСПЧ. Хотя срок является акцессорным условием приемлемости по отношению к исчерпанию СПЗ, именно из-за его нарушения как условия обращения за судебной защитой в ЕСПЧ поданные жалобы признаются неприемлемыми. Поэтому, несмотря на второстепенный, исключительно процессуальный характер, именно обращение в установленный Конвенцией срок определяет дальнейший ход жалобы.

С момента вступления Конвенции в силу (ч. 1 ст. 35) срок на обращение в ЕСПЧ составляет 6 месяцев. Но оптимизационные процессы, запущенные Советом Европы в ходе Интерлакенской конференции, способствовали принятию в 2013 году Протокола №15, одним из положений которого является сокращение срока на обращение в ЕСПЧ с 6 до 4 месяцев³⁰. Данное нововведение обусловлено тем, что «сокращение обусловлено развитием технологий скоростной связи»³¹ и «направлено на реализацию принципа правовой определенности»³².

Вероятно, данные обстоятельства обусловили принятие данной поправки, однако с большой долей уверенности можно заявлять о том, что сокращение сроков необходимо для сокращения огромного количества жалоб, поступающих в адрес Суда и тормозящих его работу. Это является «негласным ограничением» права человека на обращение в Суд, так как после вынесения финальной инстанцией судебного решения у заявителя останется только 4 месяца на подготовку всех процессуальных документов, которая обычно занимает значительный срок. В этой связи А.С. Исполинов отмечает, что «по сути это [Протокол № 15 – А.О.] не что иное, как ограничение прав третьих лиц государствами, которые имеют исключительное право создавать, изменять и прекращать международные договоры»³³. Следовательно, новеллы в Конвенции, а также их влияние на дальнейшее функционирование механизма по защите прав человека можно охарактеризовать как ограничивающие, ведь возможности заявителей с момента вступления поправок в силу будут объективно сокращены: значительная доля заявителей не сможет направить процессуальные документы, формирование которых требует много времени.

Но с другой стороны, новые изменения условий приемлемости отвечает потребностям Европейского суда, которому необходимо оптимизировать поступающие в его адрес жалобы, и наличие нового формального основания для отказа в рассмотрении дела, вероятнее всего, разгрузит Суд от явно необоснованных жалоб и повысит качество рассмотрения других дел.

Следовательно, особенностью оснований неприемлемости жалобы является их второстепенный, акцессорный характер, следующий из формулировок самой Конвенции³⁴. Основ-

²⁹ См.: Application no. 46468/06, Case of Aleksanyan v. Russia, § 116-118, Judgment of 22 December 2008; Application no. 31365/96, Case of Varbanov v. Bulgaria, § 36, Judgment of 5 October 2000; Application no. 14102/02, Case of Bekauri v. Georgia, Judgment of 10 July 2012.

³⁰ См.: Article 4 of the Protocol № 15 amending the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 24.VI.2013 // Council of Europe Treaty Series № 213 // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Protocol_15_ENG.pdf (Date of approach: 24.09.2020).

³¹ См.: Article 4 of the Explanatory Report to Protocol № 15 amending the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 24.VI.2013 // Council of Europe Treaty Series № 213 // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d383d> (Date of approach: 24.09.2020).

³² См.: Article 4 of the opinion of the Court on Draft Protocol № 15 to the European Convention on Human Rights. Adopted on 6 February 2013 // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/2013_Protocol_15_Court_Opinion_ENG.pdf (Date of approach: 24.09.2020).

³³ См.: Исполинов А. С. Некоторые доктринальные итоги взаимодействия России и Европейским Судом по правам человека // Государство и право. 2017. № 6. С. 30.

³⁴ Конвенция подчеркивает процессуальный характер оснований неприемлемости жалобы в формулировке ч. 3 ст. 35: «Суд объявляет жалобу неприемлемой, если ...» // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Archives_1950_Convention_ENG.pdf (Date of approach: 24.09.2020).

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, НОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ПРИЕМЛЕМОСТИ ОТВЕЧАЕТ ПОТРЕБНОСТЯМ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА, КОТОРОМУ НЕОБХОДИМО ОПТИМИЗИРОВАТЬ ПОСТУПАЮЩИЕ В ЕГО АДРЕС ЖАЛОБЫ, И НАЛИЧИЕ НОВОГО ФОРМАЛЬНОГО ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОТКАЗА В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА, ВЕРОЯТНЕЕ ВСЕГО, РАЗГРУЗИТ СУД ОТ ЯВНО НЕОБОСНОВАННЫХ ЖАЛОБ И ПОВЫСИТ КАЧЕСТВО РАССМОТРЕНИЯ ДРУГИХ ДЕЛ

ным отличием от условий приемлемости в данном случае является тот факт, что изначально в отношении жалобы действует презумпция приемлемости, а Европейский Суд, сопоставляющий обстоятельства дела с положениями Конвенции, делает окончательные выводы об обоснованности жалобы. Ситуация осложняется также тем, что в тексте Конвенции не конкретизируется, какие конкретно положения могут не соответствовать жалобе заявителя.

Более того, основания неприемлемости складываются исключительно благодаря практике ЕСПЧ, то есть они в достаточной степени неопределенны и подвержены изменениям в зависимости от дискреции самого Европейского суда, который при решении вопроса о приемлемости исходит исключительно из принципов своей деятельности и автономного понимания конвенционных прав.

Наиболее значимые для эффективности производства основания неприемлемости жалобы выделяются в Конвенции отдельно. Так, например, имело место такое основание неприемлемости, как незначительность ущерба, причиненного вследствие нарушения конвенционного права. Но, несмотря на данную новеллу, основания неприемлемости в большинстве своем не определены в достаточной степени точно в судебной практике, так как при разрешении конкретного дела суд исходит из конкретных обстоятельств. Данный факт осложняет процесс защиты прав в ЕСПЧ, так как заявитель обращается в ЕСПЧ без должной уверенности в положительном для него исходе дела вследствие автономного толкования содержания конвенционных прав Европейским судом по правам человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативно-правовые акты

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms as amended by Protocols Nos. 11 and 14, supplemented by Protocols Nos. 1, 4, 6, 7, 12, 13 and 16. Rome, 4.XI.1950 // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf (Date of approach: 31.03.2020).
2. Protocol № 14 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, amending the control system of the Convention. Strasbourg, 13.V.2004 // Council of Europe Treaty Series - № 194 // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/search-on-treaties/-/conventions/treaty/194> (Date of approach: 31.03.2020).
3. Explanatory Report to Protocol № 14 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, amending the control system of the Convention. Strasbourg, 13.V.2004 // Council of Europe Treaty Series № 194 // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d383d> (Date of approach: 10.11.2020).
4. Protocol № 15 amending the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 24.VI.2013 // Council of Europe Treaty Series № 213 // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Protocol_15_ENG.pdf (Date of approach: 10.11.2020).
5. Explanatory Report to Protocol № 15 amending the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Strasbourg, 24.VI.2013 // Council of Europe Treaty Series № 213 // URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d383d> (Date of approach: 10.11.2020).
6. Rules of Court (in edition from 1.01.2020) // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_ENG.pdf (Date of approach: 10.11.2020).

7. European Court of Human Rights. Legal Nature of the obligation under article 25 § 1 in fine of the Convention: Information document prepared by the Registry. Strasbourg, 9 of June 1961.
8. Opinion of the Court on Draft Protocol № 15 to the European Convention on Human Rights. Adopted on 6 February 2013 // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/2013_Protocol_15_Court_Opinion_ENG.pdf (Date of approach: 10.11.2020).
22. Application no. 73225/01, Case of Fedotova v. Russia, Judgment of 13 September 2006.
23. Applications nos. 20958/14, 42410/15, 8019/16, 70856/16, Cases of Ukraine v. Russia, awaiting judicial decision.
24. Applications nos. 42575/07 etc, Case of Sultygov and Others v. Russia, Judgment of 9 October 2014.
25. Applications nos. 50556/08 etc, Case of Kukurkhoyeva and Others v. Russia, Judgment of 22 January 2019.

Судебная практика:

9. Application no. 13255/07, Georgia v. Russia (I), Judgment of 03 July 2014; 10. Application no. 38263/08, Case of Georgia v. Russia (II), Judgment of 13 December 2011.
10. Application no. 14102/02, Case of Bekauri v. Georgia, Judgment of 10 July 2012.
11. Application no. 30544/96, Case of Garcia Ruiz v. Spain, Judgment of 21 January 1999.
12. Application no. 31365/96, Case of Varbanov v. Bulgaria, Judgment of 5 October 2000.
13. Application no. 43662/98, Case of Scordino and Others v. Italy (I), Judgment of 27 March 2003.
14. Application no. 44319/98, Case of O.V.R. v. Russia, Decision of 3 April 2001.
15. Application no. 46468/06, Case of Aleksanyan v. Russia, Judgment of 22 December 2008.
16. Application no. 47143/06, Case of Roman Zakharov v. Russia, Judgment of 4 December 2015.
17. Application no. 49275/08, Case of Bazelyuk v. Ukraine, Decision of 27 March 2012.
18. Application no. 52036/09, Case of Kiouisi v. Greece, Decision of 20 September 2011.
19. Application no. 53807/09, Case of Hudecova and Others v. Slovakia, Decision of 18 December 2012.
20. Application no. 54522/00, Case of Kotov v. Russia, Judgment of 3 April 2012.
21. Application no. 55721/07, Case of Al-Skeini and Others v. The United Kingdom, Judgment of 7 July 2011.

Научная литература:

28. Воскобитова М. Р. Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: Сборник аналитических статей. М.: Издательство «Анахарсис», 2005. 528 с.
29. Действующее международное право. Документы в 2-х томах. Т. 1 / Сост.: Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. – М.: Юрайт, Международные отношения, 2007. 768 с.
30. Исполинов А. С. Некоторые доктринальные итоги взаимодействия России и Европейским Судом по правам человека // Государство и право. 2017. № 6. С. 26–34.
31. Морщакова Т. Г. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики). Москва: Мысль, 2012. 584 с.
32. D. Harris, M. O'Boyle. Law of the European Convention on Human Rights. Third edition. Oxford: Oxford University Press. 1056 p.